

**ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ДЕСЕМАНТИЗАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ
В СОВРЕМЕННОМ СЛОВОТВОРЧЕСТВЕ: СВОЁ/ЧУЖОЕ¹**

Приорова Ирина Валерьевна, доктор филологических наук, доцент

Астраханский государственный университет
410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: irinapriorova@yandex.ru

Лебедева Ирэна Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент

Астраханский государственный университет
410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: irenalebedeva@mail.ru

В статье характеризуются существующие противоречия между нормой и ненормой в языке, между «своим» и «чужим» в современном словотворчестве относительно творчества авторитетных мастеров слова, которое и сегодня является эталонным.

Ключевые слова: аграмматизм, деструкция формы, языковая игра, словотворчество, прагматика, языковой вкус, языковое чутьё, окказиональность

**PRAGMATIC DESEMANTIZATION OF GRAMMATICAL FORMS IN MODERN
WORD CREATION: THE OWN THE ALIEN**

Priorova Irina V., D.Sc. (Philology), Assistant Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: irinapriorova@yandex.ru

Lebedeva Irena V., Ph.D. (Sociology), Assistant Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: irenalebedeva@mail.ru

There is a contradiction between the old and the new, between the "own" and the "other" in speechproduction of contemporary authors which are characterized from the point of authoritative specialists whose works today are exemplary

Keywords: agrammatism, destruction forms, speechproduction, linguistic taste, pragmatics, linguistic flair, language game, occasionality

Исторически сложилось так, что национальные культурные коды дешифруются через язык текстов, воспроизводя этическую и эстетическую базу определённого социального среза. Не разделяя пессимистических настроений относительно унификации выразительности языка, характерной для эпох социальных преобразований, авторы этой статьи имеют твёрдое убеждение, что во все времена словотворчество должно быть ориентировано на эталон. Несмотря на то, что эталон может варьировать от эпохи к эпохе, приспосабливаясь к социальным изменениям в коммуникативном пространстве, для образованного русскоговорящего человека он и сегодня константно сохраняется в творчестве русских писателей предшествующих эпох. Индивидуальность языковой личности проявляется в словотворчестве, а начинается с того,

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 11-33-00395a2 «Другой» в семье.

что А.С. Пушкин в своё время объяснил гениально просто: *«Язык, как зрение, не может быть ограничен иначе как природою, ибо есть способность, дарованная богом всем и каждому»*. Поэтому *«Только безупречное знание языка, грамматики даёт возможность почувствовать всю прелесть отклонения от правил (Л.В. Щерба)*. Однако *«Грамматика очень часто находится в противоречии с естественным ощущением языка» (Ж. Вандриес)* и это, как в зеркале, отражается не только в современной речи, которая пестрит *«обмелением словаря» в «сочетании со словесными огрызками» (Т. Толстая)*, но и в словотворчестве современных авторов. Однако то, что *«Язык представляет собой фильтр, который позволяет когнитивной системе отсекал все лишнее...» (А.Н. Баранов)*, свидетельствует о необходимости глубокого анализа не только коммуникативной среды, но и современного речетворчества.

Так можно кратко охарактеризовать противоречия, сложившиеся в языке между новым и старым, между «своим» и «чужим» и осмысленные в единой оценочной парадигме великими знатоками русского языка прошлых эпох и нашими современниками. Если придерживаться эстетических принципов постижения мира через поэтичность языка, лежащую в основе эстетического идеализма К. Фосслера, то и сегодня нельзя отрицать признанный эталон – гений А.С. Пушкина, потому что *«Мысли Пушкина остры, смелы, огнисты; язык светел и правилен. Не говорю уже о благозвучии стихов, – это музыка...они катятся по бархату жемчужом!» (А.А. Бестужев-Марлинский)*. «Огнистость» творчества А.С. Пушкина определялась им самим: *«Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка»*, а «поисковая система» художника объяснялась им по-философски: *«Это уже не ново, это было уже сказано – вот одно из самых обыкновенных обвинений критики. Но все уже было сказано, все понятия выражены и повторены в течение столетий: что же из этого следует? Что дух человеческий ничего нового не производит? Нет, не станем на него клеветать: разум неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов. Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона» (А.С. Пушкин)*. Импульсом постижения старого по-новому, «чужого» по «своему» великий художник считал творческое вдохновение: *«Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий. Следственно и объяснению оных. Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии (А.С. Пушкин)*.

Современный подход в изучении отечественного художественного творчества отличается тем, что ранее непривлекательные темы и формы актуализируются современными авторами самым неожиданным способом, который не всегда можно принять однозначно. Выявляя феномен эмотивного потенциала деструктивных, аграмматичных форм [4], мы учитывали то, что при творческом взаимодействии автора и читателя прагматическая установка автора не всегда совпадает с установкой получателя в силу не совпадения их языковой компетентности. Осознанная предпочтительность в выборе естественных просторечных форм наиболее ярко проявляется в морфологической деструкции заимствованных неизменяемых имен.

Наблюдать естественный переход их аграмматичности в окказиональность можно в нескольких случаях, во-первых, когда актуализируется одно из значений полисемантического заимствованного слова. Так, значение заимствованного слова *домино* (прямое указание на игру) расширяется семантическим приращением «чужой» древнекитайской философской концепции Инь-Ян, по которой все высшие архетипы (черное и белое) олицетворяют белое, мужское, внешнее, небесное, доброе – в Ян, а чёрное, женское, внутреннее, земное, злое – в Инь, и постоянно притягиваются, отталкиваясь друг от друга. Грамматические нарушения в языковой игре укрупняют узнаваемую дискомфортную жизнь: *И жизни новые дороги/Проходим в рамках домина./Где мне до черного есть дело./Но белому нет дела до меня./И днём на белой доминошке./И ночью в черной домине./Всё в мире неизбежно тая./Плывёт к одной своей реке./Все вместе – малые, большие./ В основе их две стороны./Две катастрофы, две стихии./Белы-черны, черны-белы./Бороться с черным – есть причи-*

ны./Искать белее – до конца./Мы жизни новые дороги/Проходим в рамках домина?
(А. Солин «Домина»). Аграмматизм домино «ломает» не только форму слова для рифмы, но и стереотипное обывательское восприятие мира: *всё, что черно – плохо, всё, что бело – хорошо*. Естественное преломление индивидуального в общее через универсальный способ представления: противопоставляя – не противопоставлять, проецируется и на вариативность грамматических нарушений (потенциальных и окказиональных). В подобных примерах с использованием «просторечной правдивости», т.е. грамматических «смещений», иллюстрируется языковой вкус определённого синхронического среза, а высокая степень рефлексивности и малая «степень осознанности» грамматических форм и категорий усиливает «подражающую, выбирающую и воспроизводящую способность» [8, с. 115] вкуса.

Во-вторых, унификация творческого поиска напрямую связана с декультурацией, которая приводит либо к ассимиляции в чужой социо-культурной среде [3, с. 120], либо сопровождается значительным ухудшением знаний своего родного языка [2]. Однако аграмматичные формы слова обретают статус окказиональных форм тогда, когда семантически поддерживают динамику текста, когда игровая трансформация падежной формы используется автором для семантического декодирования, в частности, сути гендерных взаимоотношений: *Своё протёртое пальто/Не променяю ни на что.../Не отложить мне на потом/Твою любовь с моим пальтом!/Ты так хотел меня в пальте!/(Пусть стиль не тот, но чувства – те!)/Ты приказал: "Цвети!" – Цвету!//Ах, приколи меня к пальту!/Крадусь я тенью по пятам –/О, ревность к их, чужим пальтам!//Своё протёртое пальто/Не поменять мне ни на что.../Любовь – бальзам для ух и глаз/Ей русский язык не указ!* (Т. Глазкова. Про любовь и пальты). Или другой пример: *Мы с тобою смотрели кино,/А потом ты достал домино.../Ты ведь мог любоваться бы мной.../Но увлёкся ты, блин, доминой!/Иногда взор скользил и по мне.../Но ты был с головой в домине./Под спиной я подушку примну.../– Позабудь ты свою домину!/У карманов раздулись штаны.../Ты туда наложил домины?/И увижу в кошмарных я снах/Как ты ищешь меня в доминах!* [5, с. 457].

Наиболее ярко «приращение смысла» ключевого слова угадывается в языковой игре при корреляция рода неизменяемых зоонимов на -у (какаду, кенгуру), необходимой для рифмообразования: *А я увидел какаду/Она сидела на виду/Я любовался какадой /Такой красивой молодой./Был клюв крючком у какады.* (Р.п., ед.ч.)/Она сказала мне: "Лады!/Я в путь отправилась тогда!"И улетела какада... и В зоопарке на беду/Мне попался какаду./И такую жуть тогда/Рассказал мне какада,/Что три года ждал беды/От пророчеств какады. Манипуляция формой по гендерному принципу (сказала, улетела – ж.р./, попался, рассказал – м.р., но какада) и «чужая» символизация птицы вещей (в индуизме), имитации чего-либо и предупреждение неверным женам (в буддизме) опирается на системно заданные формальные и семантические алгоритмы «своей» языковой игры, которые определяют эмоциональную наполняемость текста [6,56]. В других примерах: *Возвращаясь домой дворами./Я столкнулся с двумя кенгуриями/ Ты гуляешь, наверно, зря/Говорит мне одна кенгурия/ Ведь не зря я вечерней порой/Тут гуляю с другой кенгурёй./И в постылой своей конуре/Думал я о другой кенгуре* или *Как-то раз под высокой горой /Повстречался Кенгур с Кенгурой./И сказал тот Кенгур Кенгуре: /– Будем жить мы на этой горе... –* игра падежной и родовой парадигмой неизменяемого зоонима кенгуру подчёркивает тот игровой элемент, который лежит в основе взаимоотношений женщины и мужчины как переход из «своего» миропонимания в «чужое».

Грань между аграмматичной (просторечной, потенциальной) и окказиональной формами для несклоняемых имён достаточно размыта. Поэтому использование тех несклоняемых слов в аграмматичной форме, которые выполняют функцию ключевых знаков, определённым образом характеризуют творческий поиск современных авторов. Факты подобных формальных нарушений легко дифференцируются и иногда претендуют на индивидуально-авторские инновации.

Однако инновационность, ориентированная на деструктивные формы и смыслы, на декультурацию, не может иметь статус эталонной. Возвращаясь, к гениальности А.С. Пушкина, вспомним впечатление Ф. Раневской о нём: *«Я читаю очень поздно и на ночь почти всегда Пушкина. Потом принимаю снотворное и опять читаю, потому что снотворное не действует. Если бы я его встретила, я бы сказала ему, какой он замечательный, как мы все его помним, как я живу им всю свою долгую жизнь... Потом я засыпаю, и мне снится Пушкин. Он идёт с тростью мне навстречу. Я бегу к нему, кричу. А он остановился, посмотрел, поклонился, а потом говорит: «Оставь меня в покое, старая б... Как ты мне надоела со своей любовью».* Искромётность изложения и трепетность отношения к великому поэту подчёркивается собственной оценочной идентификацией, выраженной табуированным словом. Однако мастерская расстановка акцентов делает узнаваемым почерк таланта, которому не нужны ни затёртые штампы, ни аграмматичные инновации: вкрапление ненормативной лексики допускается автором как концентрированная экспрессия. Примеры использования подобных номинаций нельзя назвать ни эталонными, ни нормативными, но нельзя не признать их допустимыми, если это слог мастера.

Итак, следует чётко противопоставлять аграмматизм, который соотносится со стилистическим приёмом, т.е. мотивированным нарушением, и аграмматизм, вызванный бессознательным нарушением грамматической формы, которое зависит от недостаточной языковой компетентности носителя языка. Безусловно, что в ряде случаев авторский аграмматизм декодирует языковые (системные) потенции, поэтому индивидуальный речетворческий поиск нельзя приравнять к «чужим» грамматическим штампам. Однако при изучении современного материала, при выявлении «своего» авторского начала в художественных и нехудожественных текстах, ориентиром остаётся известный тезис А.С. Пушкина, который, как известно, обладал изысканным языковым вкусом и чутьём, и ещё в XIX веке предостерегал не только своих современников, но и своих потомков: *«Прекрасный наш язык, под пером писателей неучёных и неискусных, быстро клонится к падению. Слова искажаются. Грамматика колеблется. Орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого. В журналах ещё менее правописания, нежели здравого смысла...»* [7, с. 312].

Список литературы

1. Бестужев-Марлинский А. А. Прямая речь. Мысли великих о русском языке / А. А. Бестужев-Марлинский ; сост., подготовка текста и вступит. ст. Д. Н. Бакуна. – М. : Российский фонд культуры, 2007. – С. 115.
2. Лебедева И. В. Брак с иностранным партнёром: в чужой в семье / И. В. Лебедева, М. М. Бичарова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – № 4. – С. 315–324.
3. Лебедева И. В. Чужое в речи русских мигрантов / И. В. Лебедева, И. В. Приорова, М. М. Бичарова // TOUR-XXI: Модернизация образования в туризме и академическая мобильность – международный опыт : мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. с элементами научной школы для молодежи (Астрахань, 1–2 ноября 2011 г.). – Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2011. – С. 119–121.
4. Приорова И. В. Функционально-коммуникативные свойства несклоняемых имён в языке и речи : монография / И. В. Приорова. – Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2010. – 161 с.
5. Приорова И. В. Пушкинское наследие в речетворчестве современных авторов: свое-чужое / И. В. Приорова, И. В. Лебедева // А. С. Пушкин: русская и национальные литературы : мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (6–7 июня 2012 г.). – Ереван, 2012. – С. 453–460.
6. Priorova I. V. The opposition of the “Own” and “Another” in the language of modern communication / I. V. Priorova, I. V. Lebedeva / Materiály VIII mezinárodní vědecko – praktická conference «Vědecký pokrok na přelomu tisyachalety – 2012». – Díl 19. Filologické vědy: Praha. Publishing House «Education and Science» s.r.o – 88 stran. p. 55–59.
7. Пушкин А. С. Опровержение на критики и замечания на собственные сочинения : Собр. соч. : в 10 т. / А. С. Пушкин. – М. : Художественная литература, 1962. – Т. 6 : Статьи и заметки. 1824–1836 гг. – 592 с.
8. Фосслер К. Грамматика и история языка (к вопросу об отношении между «правильным» и «истинным» в языковедении) / К. Фосслер. – М. : Логос, 1910. – С. 157–170.

References

1. Bestuzhev-Marlinskij A. A. Prjamaja rech'. Mysli velikih o russkom jazyke / A. A. Bestuzhev-Marlinskij ; sost., podgotovka teksta i vstupit. st. D. N. Bakuna. – M. : Rossijskij fond kul'tury, 2007. – S. 115.
2. Lebedeva I. V. Brak s inostrannym partnjorom: v chuzhoj v sem'e / I. V. Lebedeva, M. M. Bicharova // Kaspijskij region: politika, ekonomika, kultura. – 2011. – № 4. – S. 315–324.
3. Lebedeva I. V. Chuzhoe v rechi russkikh migrantov / I. V. Lebedeva, I. V. Priorova, M. M. Bicharova // TOUR-XXI: Modernizacija obrazovanija v turizme i akademicheskaja mobil'nost' – mezhdunarodnyj opyt: mat-ly Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. s jelementami nauchnoj shkoly dlja molodezhi (Astrahan', 1–2 nojabrja). – Astrahan' : Izd. dom «Astrahanskij universitet», 2011. – S. 119–121.
4. Priorova I. V. Funkcional'no-kommunikativnye svojstva nesklonjaemyh imjon v jazyke i rechi : monografija / I. V. Priorova. – Astrahan' : Izd. dom «Astrahanskij universitet», 2010. – 161 s.
5. Priorova I. V. Pushkinskoe nasledie v rechetvorchestve sovremennyh avtorov: svoe-chuzhoe / I. V. Priorova, I. V. Lebedeva // A. S. Pushkin: russkaja i nacional'nye literatury : mat-ly Mezhdunar. nauch.-praktich. konf. 6–7 ijunja 2012 g., Erevan, 2012. – S. 453–460.
6. Priorova I. V. The opposition of the “Own” and “Another” in the language of modern communication / I. V. Priorova, I. V. Lebedeva / Materiály VIII mezinárodní vědecko – praktická conference «Vědecký pokrok na přelomu tisyachalety – 2012». – Díl 19. Filologické vědy: Praha. Publishing House «Education and Science» s.r.o – 88 stran. p. 55–59.
7. Pushkin A. S. Oproverzhenie na kritiki i zamechanija na sobstvennye sochinenija : Sobr. soch. : v 10 t. / A. S. Pushkin. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1962. – T. 6 : Stat'i i zametki. 1824–1836 gg. – 592 s.
8. Fossler K. Grammatika i istorija jazyka (k voprosu ob otnoshenii mezhdu «pravil'nym» i «istin'nym» v jazykovedenii) / K. Fossler. – M. : Logos, 1910. – S. 157–170.